

Научная статья

УДК 340.1

doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-4-34-40

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Елена Александровна Казачанская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, elk.13@yandex.ru

Аннотация. В статье реализуется концептуально-правовое рассмотрение понятия «консерватизм», представляется его авторская трактовка, а также структурное строение консерватизма как социального феномена. Особое место уделяется рассмотрению такого специфического вида проявления консерватизма, как консервативное правовое мышление и даются основные аксиологические характеристики последнего. Отдельно в работе анализируется эволюция консервативного правового мышления в цифровую эпоху трансформации права и государства, публично-властных институтов. Обосновывается адекватность и эффективность консервативного подхода к формированию комплексной системы социально-нормативного регулирования неоднозначных процессов развития цифровых технологий.

Ключевые слова: консерватизм, норма, право, правовая система, структура, традиция, трансформация, цифровизация, эволюция

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

Для цитирования: Казачанская Е. А. Аксиологические особенности консервативного правового мышления в эпоху цифровой трансформации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 34–40. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-34-40>.

Problems of Ensuring Unity and Harmony in Russian Society

Original article

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSERVATIVE LEGAL THINKING IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Elena A. Kazachanskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, elk.13@yandex.ru

Abstract. The article implements the conceptual and legal consideration of the concept of "conservatism", presents its author's interpretation, as well as the structural structure of conservatism as a social phenomenon. Special attention is paid to the consideration of such a specific type of manifestation of conservatism as conservative legal thinking and the main axiological characteristics of the latter are given. Separately, the paper analyzes the evolution of conservative legal thinking in the digital era of legal transformation, states, public-power institutions. The adequacy and effectiveness of the conservative approach to the formation of a comprehensive system of socio-regulatory regulation of ambiguous processes of digital technology development is substantiated.

Keywords: conservatism, norm, law, legal system, structure, tradition, transformation, digitalization, evolution

Financial Support: Article prepared with financial support of RFFI grant No. 19-011-00820 (a) "Legal policy of the Russian state, its priorities and principles in the digital economy and digital technological order: conceptual, methodological, sectoral aspects of digitalization of law and legal regulation".

For citation: Kazachanskaya E. A. Axiological foundations of conservative legal thinking in the era of digital transformation of society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):34–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-34-40>.

Введение

Термин «консерватизм» в настоящее время стал весьма широким и содержательно размытым. Данным термином обозначают целый спектр явлений и процессов, которые иногда противоречат друг другу, не образуя никакого общего смыслового единства, не имеющих общих признаков и характеристик. Особенно последнее характерно для различных производных «консерватизма», например, консервативная идеология, консервативная политика, консервативная партия, консерватизм в отношениях, консервативный принцип и проч.

Справедливо в этом плане отмечает К.С. Гаджиев, что «консерватизм – это не просто политическая программа той или иной партии или политический принцип, а система воззрений в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями» [1, с.63]. Безусловно, консерватизм как тип мышления, и в частности его вид консервативное правовое мышление, представляет собой гармоничный и согласующиеся комплекс идей, принципов, ценностей и установок.

В тоже время, по нашему убеждению, консерватизм – это сложный и многоуровневый феномен, который не исчерпывает свое содержание только специфическим типом сознания. Консерватизм, как и многие другие социальные феномены, имеет особую структуру, различные уровни, которые должны быть согласованы или гармонизированы друг с другом. В противном случае мы будем иметь дело с псевдоконсерватизмом. Предложенную профессором К.С. Гаджиевым широкую формулировку мы готовы в теоретико-методологическом ракурсе еще расширить и предложить трактовать консерватизм в качестве специфической мыследеятельности, которая может выражаться в правовой, политической, экономической, культурной и других сферах жизнедеятельности общества.

Эта широкая трактовка как *особого типа мысле/деятельности* позволяет сформировать и структуру данного феномена, отражающую как аксиологические, так и нормативные и поведенческие аспекты. Между которыми, как отмечалось ранее, должно присутствовать согласие или смысловая гармония/целостность. Именно последнее позволяет классифицировать и затем типологизировать то или иное явление правовой жизни общества как консервативное. Равно как и формирует аналитический инструментарий для распознавания псевдоконсервативных явлений и процессов, т.е. являющихся таковыми только по названию, а не по смыслу и содержанию.

Кроме того, следует подчеркнуть, что консерватизм для нас – это социальный феномен, который сформировался в ходе общественного развития и относится именно к социальному типу мышления и действия. Поэтому его так называемые «частные трактовки» (например, консервативный человек, консервативные привычки, консервативная семья и проч.) нами рассматриваются в качестве социальных метафор, оценочных суждений или обыденных клише.

Структура консервативного правового мышления: теоретико-методологический аспект

Итак, в качестве *структуры данного феномена* можно предложить следующее: **1) аксиологические срез** консерватизма, который отражает комплекс идей, ценностей, образов и установок, которые классифицируются как консервативные; **2) нормативный срез** фиксирующие типоформирующие правила, нормы и стандарты определенной мыследеятельности людей (например, консервативно-правовой подход в эволюции национальной правовой системы или совершенствования правотворческой деятельности); **3) праксиологический срез**, фиксирующий основные стили публичного поведения и модели взаимоотношений в системе личность – общество – государство (например, консервативная модели публично-властных отношений между государством и обществом).

Такая структурная аналитическая модель позволяет, с нашей точки зрения, представить комплексное исследование данного социального феномена, разграничить консервативный тип, от иных типов мыследеятельности. Например, в рамках истории правовых и политических учений данный инструментарий вполне успешно применяется для классификации последних, содержащих как идейные, так программные и поведенческие блоки. В том же ракурсе мы можем более содержательно охарактеризовать ту или иную правовую доктрину как консервативную (например, консерватизм выражается не только в представлении идейной

платформы правовой доктрины, но в предлагаемых нормативных решениях – сформированных нормах принципах, нормах целей, регулятивных нормах, – а также отражается и в конкретных программах и мероприятиях, реализующих данную программу) или как псевдоконсервативную (например, когда идейные основания и принципы не соответствуют нормативным решениям и программе практических действий).

Ключевые аксиологические характеристики консервативного правового мышления

В силу ограниченности статьи рассмотрим ряд частных вопросов, а именно выделим ключевые аксиологические основания консервативного правового мышления. Прежде всего, консервативное правовое мышление ориентировано на сочетание правовых традиций конкретного общества с неизбежными процессами обновления, трансформации правовых институтов, правовых режимов, форм юридической деятельности. Следовательно, консерватизм как сущностное явление универсально, но его специфическое проявление всегда уникально, поскольку имеет социокультурное измерение. В этом прочтении любой институт и форма формируется и действует в рамках определенной правокультурной среды, реализуя цели и задачи, связанные с этой социокультурной целостностью [2].

Именно поэтому совершенно некорректно характеризовать консервативно-правовое мышление как установку мышления и как действия, ориентированные на противодействие любым изменениям в качестве негативного мышления по отношению к инновационным процессам, социально-правовому обновлению общества и т.д. Консервативно-правовое мышление, как это еще обосновывал дореволюционный юрист и классик консерватизма Л.А. Тихомиров, ориентирован не на консервацию или на застой (сохранение социально-правового статус-кво), а, напротив, на эволюционное развитие государственно-правовой организации общества. Но программа этого консервативного развития имеет свою специфику – это развитие, можно сказать, модернизация, но развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, предполагающее и опирающееся на традиционный, устойчивый и эффективный культурно-исторический опыт. Прав в этом плане М. Н. Лукьянов, когда отмечает, что не следует отождествлять консерватизм с резким неприятием каких-либо перемен, с отрицательным отношением к процессам реформирования политической жизни общества. Конечно, «резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок – не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия изменениям» [2, с. 343].

Этим консервативно-правовая мышление резко отличается и от фундаментализма и традиционализма, которые ориентированы на регрессивную трансформацию социально-правовой жизни общества, т.е. восстановление изначальной универсальной правовой традиции, утраченных когда-то в прошлом (в зависимости от общественной системы в каждой есть такой золотой век идеального социально-правового развития) форм и моделей правовой устройства, характера и направленности общественных отношений [4], что влечет за собой радикализацию современной социальной организации и негативное отношение принимаемы реформам или проектам совершенствования правового регулирования. В тоже время консерватизм «не требует сохранения традиции неизменной несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки “естественного развития” самой традиции» [5, с. 53].

Более того, одним из основных программных положений различных правовых и политических учений являлась консервативная трансформация публично-правовой жизни общества, направленная на формирование адекватных и органичных культуре институтов власти, государства, права, конкретно-исторических политико-правовых форм организации отношений, отвечающих интересам и ценностям общества. Поэтому словосочетание «консервативная трансформация» реальная программная установка консервативного политического мышления: «Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации, – отмечает по этому поводу исследователь консерватизма А.В. Репников, – возникает в том случае, если с понятием “модернизация” связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни. В этом случае вместо понятия “консерватизм” более уместно употреблять понятие “реакция”» [6, с. 9-10].

В свою очередь отличие консервативного от модернистского аксиологической ориентаций наиболее ярко проявляется в ценности и значимости инноваций как двигателя/драйвера прогресса. Так, для консервативного мышления в этом вопросе главной ценностью выступает сохранение социокультурной целостности и принципов солидаристского правового развития, а для модернистской ориентации – утилитарное и иное совершенствование индивидуума. Поэтому в первом случае обосновывается жёсткая взаимосвязь между правовыми инновациями и правокультурными доминантами развития государственно-правовой организации общества [7], а во втором – неразрывная связь между индивидуальными свободами, законными интересами и потребностями, с одной стороны, и программами совершенствования социально-экономической и политико-правовой сфер, с целью наиболее полного воплощения последних.

Однако следует отметить, что в правовой политике современного государства и первые, и вторые аксиологические ориентации, как правило, уравнивают друг друга, обеспечивая стабильное государственно-правовое развитие. Речь, скорее всего, сегодня может идти о доминировании какой-либо из них на повестке политико-правовой трансформаций. Справедливо в этом плане, отмечает С. Эйзенштадт, что инновации и традиции не противостоят друг другу, а, напротив, в правильном сочетании приводят к стабильному и органичному развитию общества: «реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в таком обществе служит не только символом непрерывности, но и определением пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности» [8, р. 51].

В этом плане укоренение нового институционально-правового опыта и формирование инновационных общественно-политических институтов, появляющихся всегда в процессе эволюции государственно-правовой организации, происходит сквозь доминирующую в обществе ценностно-нормативную матрицу, через «национальную призму» преемственно-воспроизводимых когнитивных установок и эмоционально-психологических готовностей. Именно последние позволяют с наименьшими «социальными издержками» адаптировать институциональные, инструментальные или технологические новации к сложившейся политико-правовой мыследеятельности и ценностно-нормативному укладу конкретного общества.

Консервативное правовое мышление в эпоху цифровых трансформаций

Как отмечалось выше, с позиции консервативного правового мышления действующие правовые институты и функционирование «юридические комплексы» (термин Г.Дж. Бермана) кроме позитивистского (формально-юридического) измерения имеют также конкретно-историческое и социокультурное измерения. С этой точки зрения, понять специфику их функционирования, а тем более осуществить оптимизацию или внедрить инновационные элементы в функционирование правовых институтов и учреждений не возможно без учёта как собственно юридических, так и метаюридических (правовые традиции и обычаи, исторический контекст формирования и развития институтов, этнокультурные доминанты и предправовые кодексы взаимодействия и т.д.) основ государственно-правовой организации конкретного общества.

Например, евразийский политико-правовой проект обосновывал в середине XX века, что легитимность и, соответственно, прочность государственно-правовой жизни основываются на гармонии между существующими традиционными институтами и верованиями, с одной стороны, и публично-властными институтами – с другой. Отечественный политико-правовой мир должен, по мнению авторов этого подхода, иметь собственную стратегию функционирования и обновления политической системы и правовой материи, которая, в свою очередь, должна воплощаться на этнополитическом и правокультурном синтезе, сочетающем национальные традиции, обычаи, религиозные верования и общемировые достижения [9].

Последние особенно важно в эпоху цифровой трансформации властно-управленческой деятельности, юридической практики, качественного изменения общеправовых и отраслевых правовых принципов, нормативных моделей поведения и приоритетов правового развития. Консервативно-правовое мышление в этом аспекте не отрицает объективность, значимость и ценность внедрения и использования цифровых технологий и иных новаций

индустрии 4.0, тем не менее, отстаивает позицию гармоничного согласования правовых традиции и инноваций, их последующей конвергенции («втягивания инноваций» в правовую культуру общества). Именно последнее обеспечивает преемственное и устойчивое правовое развитие общества, поэтапное качественное обновление национальной правовой системы, сохранение суверенных и национально-культурных характеристик последней.

Например, при всей критике системы социального рейтинга в Китайской Народной Республике, следует признать, что это один из успешных экспериментов интеграции традиционных культурных, правовых и политических институтов с современными цифровыми технологиями¹. Так, основой для социального рейтинга китайского гражданина, а именно критериев повышения или понижения последнего выступают этические стандарты (нормы конфуцианской этики), нормы обычного права, правовые установления государства [10]. Другими словами, весь традиционный социально-нормативный комплекс выступил в качестве цифровых кодов и параметров функционирования систем искусственного интеллекта, обеспечивающего политический и правовой порядок. Кроме того, настройка, обучение и экспериментальное функционирование системы социального рейтинга осуществлялось на традиционном «китайском национально-культурном материале», что в целом соответствует стратегии правовой политики китайского государства, согласно которой развитие всех систем и институтов реализуется с «китайской спецификой» и ориентировано на сохранение данной специфики «в новом тысячелетии»².

Более того, следует отметить, что именно конспиративно-правовая позиция в современную эпоху является наиболее адекватной в плане формирования комплексного социально-нормативного регулирования сложных и неоднозначных процессов разработки и внедрения сквозных цифровых технологий, а также отношений, связанных с эксплуатацией данных технологий. Таковая позиция сегодня отражается и во многих доктринально-правовых документах и нормативно-правовых актах. Например, в рамках работы Комитета по правовым вопросам Европейского парламента отмечается необходимость «принять комбинированное регулирование, в котором на законодательные положения об ответственности (в сфере регулирования робототехники и систем искусственного интеллекта – *Е.К.*) сочетаются с неправовыми нормами в виде руководства и кодексов поведения»³.

В отечественной теории права также обосновывалась необходимость гармоничного сочетания потенциала всех социально-нормативных систем (право, обычаи, традиции, мораль, религия и др.) в нормативно-правовом регулировании неоднозначных и быстро меняющихся отношений [11]. В действующих документах стратегического характера, формирующих правовые принципы и ориентиры развития систем искусственного интеллекта, также фиксируются данные консервативно-правовые приоритеты⁴. Такой подход, очевидно, обеспечивает стабильность эволюции общественной системы, целостность и суверенность национально-культурной пространства российского общества. Неслучайно, такой «консервативно-

¹ State Council Notice concerning Issuance of the Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014-2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (Дата обращения: 11.11.2021 г.).

² Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 11.11.2021 г.).

³ Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. Отчет по результатам исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://old.sk.ru/cfs-file.ashx/_key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-19-](https://old.sk.ru/cfs-file.ashx/_key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-19-94/01.02.001.004_2D001A04240421042D001E044204470435044204_-3E043104_-3804410441043B04350434043E04320430043D04380435047E00_.pdf)

[94/01.02.001.004_2D001A04240421042D001E044204470435044204_-3E043104_-3804410441043B04350434043E04320430043D04380435047E00_.pdf](https://old.sk.ru/cfs-file.ashx/_key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-19-94/01.02.001.004_2D001A04240421042D001E044204470435044204_-3E043104_-3804410441043B04350434043E04320430043D04380435047E00_.pdf) (Дата обращения: 10.11.2021 г.).

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (Дата обращения: 10.11.2021 г.); В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта // Российская газета. Федеральный выпуск №245(8596). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html> (Дата обращения: 10.11.2021 г.)

правовой поворот» в государственно-правовом развитии обозначен недавними изменениями, внесенными в Основной закон российской Федерации [12].

Полагаем, что такой поворот обеспечивает гармоничное сочетание как традиционной (национальной и этнокультурной) основы общественной системы, так необходимых новаций, связанных с формированием новых социальных потребностей и интересов. Причем тесное взаимодействие традиционных ценностно-нормативной иерархии и социально-нормативных регуляторов становятся консервативными национальными элементами, которые обеспечивают сохранность культурной уникальности, целостности стабильности российского общества в цифровую эпоху.

В целом ориентированность на обеспечение устойчивости, преемственности и целостности национально-культурного пространства является типифицирующими для консервативного мышления. Последнее ориентировано и на духовно-нравственное кодирование публичных институтов власти, именно в рамках последнего обеспечивается связь государственно-правовой деятельности не только с изменчивыми общественными интересами и потребностями, но и ответственность в деятельности последних, с одной стороны, за следование устойчивым национальным нравственным стандартам и моральным императивам, а с другой – за сохранение последних в ходе объективных процессов обновления в институционально-нормативной организации.

Список источников

1. Гаджиев К.С. Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение? // *Власть*. 2013. № 1. С. 63-67.
2. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 366 с.
3. Лукьянов М.Н. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907 – 1914) // *Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х: материалы Международного научного colloquium*. СПб., 2003. С. 343 – 344.
4. Генон Р. Символы священной науки: [Пер. с фр.] / Рене Генон; [Вступ. ст. Ключникова С.Ю., с. 5-26]. М.: Беловодье, 1997. 494 с.
5. Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // *Логос*. 2005. № 5 (50). С. 41-61.
6. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России: [монография] М.: Academia, 2007. 519 с.
7. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д., 2009. 150 с.
8. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y., Sydney, Toronto, 1973.
9. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики: монография / А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев, А. И. Овчинников ; М-во образования и науки Российской Федерации, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. - Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.
10. Чжао Хунжуй. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 304 с.
11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма : Инфра-М, 2011. 799 с.
12. Основной закон России: величие страны и достоинства граждан / Под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. Рыбинск: Медиарост, 2021. 256 с.

References

1. Gadzhiev K. S. Conservatism in the Modern World: Crisis or Revival? *Vlast' = The Authority*. 2013;(1):63-67. (In Russ.)
2. Gray J. *Wake for the Enlightenment: Politics and Culture at the Dusk of the Present*. Moscow: Praxis; 2003. 366 p.
3. Lukyanov M. N. Conservative Scientific Intelligentsia and Power (1907 - 1914). In: *Power and Science, Scientists and Power: 1980s - early 1920s: Materials of the International Scientific Colloquium*. SPb., 2003:343–344. (In Russ.)

4. Guénon R. Symbols of sacred science: [Per. from French] / René Guénon; [Intro. Art. Klyuchnikova S. Yu., P. 5-26]. M.: Belovodye, 1997. 494 p. (In Russ.)
5. Nikitaev V. Agenda for Russia: power, politics, democracy. *Logos*. 2005;5(50): 41-61. (In Russ.)
6. Repnikov A. V. *Conservative concepts of the reorganization of Russia*. Moscow: Academia; 2007. 519 p. (In Russ.)
7. Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Manastyrny A. V., Tyurin M. E. *Legal archetypes in the legal policy of Russia*. Rostov-on-Don; 2009. 150 p. (In Russ.)
8. Eisenstadt S. N. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y., Sydney, Toronto; 1973.
9. *National and cultural foundations of Russian statehood and legal policy*. A. Yu. Mamychev, A. Yu. Mordovtsev, A. I. Ovchinnikov. Vladivostok: VSUES Publishing House; 2015. 210 p. (In Russ.)
10. Zhao Hongrui. *Cyberspace and Sovereignty. An introduction to cybersecurity legislation*. M.; SPb.: Nestor-History, 2020. 304 p. (In Russ.)
11. Maltsev G. V. *Social foundations of law*. Moscow: Norma: Infra-M; 2011. 799 p. (In Russ.)
12. *The Basic Law of Russia: the Greatness of the Country and the Dignity of Citizens*. F. Z. Alieva, B. V. Mezhueva, A. B. Rudakov (eds.). Rybinsk: Mediarost; 2021. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Казачанская – канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Information about the author

E. A. Kazachanskaya – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.